Глубокоуважаемому Михаилу Ивановичу Москва от автора 28/IX 906.

В. Д. КУЗЬМИНЪ-КАРАВАЕВЪ.

„РЕВОЛЮЦІОННОЕ ВЫСТУПЛЕНІЕ“ ДУМЫ

И

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906

3556

I.

Со времени роспуска Государственной Думы прошелъ первый мѣсяцъ. Какъ ни быстро въ переживаемое время текутъ событія и мѣняются настроенія, роспускъ Думы все же продолжаетъ быть центральнымъ вопросомъ дня. И такимъ онъ останется еще долго.

Иначе, конечно, быть не можетъ. Въ ходѣ русской революціи роспускъ первыхъ представителей народа, какъ бы ни оцѣнивать этотъ актъ, навсегда останется событіемъ глубокаго историческаго значенія. Все равно—оправдаются ли надежды министерства, что за нимъ наступитъ успокоеніе, которое дастъ возможность начать черезъ полъгода мирное обновленіе государственнаго строя, обратившагося въ разсыпанную храмину, или надежды реакціи—что имъ будетъ положенъ конецъ попыткамъ выйти изъ рутины археологическихъ „исконныхъ русскихъ началъ“, или надежды революціонеровъ—что онъ приблизитъ, съ ихъ точки зрѣнія неизбѣжный и потому необходимый, боевой періодъ.

Но мѣсяцъ времени сгладилъ остроту впечатлѣній. Роспускъ Думы, самъ по себѣ—независимо отъ послѣдствій—отошелъ назадъ и его можно обсуждать, если не съ безстрастностью историка, то, во всякомъ случаѣ, хоть съ условной объективностью.

Почему Государственная Дума была распущена 8 іюля? На комъ лежитъ отвѣтственность за ея роспускъ или—что то же—чье имя будетъ покрыто за роспускъ Думы славой, если будущее покажетъ, что роспускъ ея былъ фактомъ положительнымъ, а не отрицательнымъ? Падаетъ ли эта отвѣтственность—о славѣ мы не думаемъ, о ней пусть думаютъ другіе—на бывшихъ членовъ Государственной Думы?

Ни одинъ изъ бывшихъ членовъ Думы не можетъ по совѣсти сказать на послѣдній вопросъ: нѣтъ. Какія бы слова ни выходили изъ его устъ или изъ-подъ его пера, это все будутъ объясненія и оправданія. Въ глубинѣ души онъ долженъ испытывать ощущенія горькаго,

ничѣмъ неизгладимаго осадка: доля отвѣтственности упала на „меня“. Людямъ, бойкотировавшимъ выборы и говорившимъ, что учрежденіе Думы страдаетъ органическимъ порокомъ, вслѣдствіе котораго Думѣ предстоитъ скорый „разгонъ“ и больше ничего, онъ отвѣчалъ: это неправда. Въ людяхъ, вѣрившихъ въ жизнеспособность Думы, онъ поддерживалъ эту вѣру. Онъ, наконецъ, принялъ отъ нихъ избраніе, сознавая, что Дума, въ ихъ глазахъ, послѣдній авторитетъ и могущественный якорь спасенія, знаменующій конецъ безысходнаго горя, голодной нужды и безпросвѣтной темноты. Дума распущена—значитъ, онъ былъ неправъ. Значитъ—онъ переоцѣнилъ реальную силу воли народа, выраженной его первыми избранниками, или ошибся въ опредѣленіи внѣшнихъ условій дѣятельности представительства. Или: онъ не сумѣлъ побѣдить эти условія, у него не хватило для того силы убѣжденія, такта, знаній...

Съ какой стороны ни смотрѣть, политическая отвѣтственность передъ родиной за послѣдствія роспуска Думы лежитъ не только—и не столько даже—на министрахъ—Горемыкинѣ или Столыпинѣ, все равно,—сколько на коллективномъ „я“ бывшихъ членовъ Думы. Горемыкина и Столыпина народъ не зналъ и своимъ довѣріемъ не облекалъ. Народъ облекъ величайшимъ довѣріемъ членовъ Думы и ихъ послалъ, чтобы они мирнымъ, легальнымъ путемъ добились для него воли и земли. Они ничего не добились и распущены. Близость разрѣшенія правового и экономическаго кризисовъ отодвинулась. Отъ отвѣтственности за это ничто не можетъ освободить ни трудовиковъ, ни октябристовъ, ни польское коло, ни кадетовъ, ни представителей всѣхъ другихъ парламентскихъ группъ.

Автору настоящихъ строкъ особенно приходится испытывать чувство отвѣтственности. Ему принадлежала иниціатива обращенія отъ лица Думы къ населенію, т.-е. совершенія того дѣйствія, которое въ манифестѣ 9 іюля названо „явно незаконнымъ“ и которое, какъ показываютъ даты, послужило поводомъ для роспуска Думы.

Да, мы, бывшіе избранники, отвѣтственны за всѣ неизвѣстныя еще слѣдствія роспуска Думы. Мы отвѣтственны за то, что, работая надъ рѣшеніемъ земельнаго вопроса, хотѣли непосредственно сказать народу, какими мѣрами имѣемъ мы въ виду утолить земельный голодъ крестьянской деревни. Мы отвѣтственны за то, что въ моментъ, когда аграрный пожаръ готовъ былъ разгорѣться, обратились къ населенію съ призывомъ не терять вѣры въ мирный и успѣшный для него исходъ борьбы съ внуками крѣпостниковъ. И намъ предстоитъ судъ,—судъ потомства—во-первыхъ,—судъ избирателей—во-вторыхъ. Что̀ скажемъ мы при предстоящихъ новыхъ выборахъ?

II.

Что̀ представляло собою вотированное 6 іюля обращеніе отъ лица Думы къ населенію? Знаменовало ли оно намѣренное „революціонное выступленіе“ большинства членовъ Думы—по формѣ и по содержанію? Съ другой стороны, было ли оно, по замыслу того же большинства, только боевымъ ударомъ въ борьбѣ съ министерствомъ—ударомъ, въ которомъ сила средства не была согласована съ цѣлью?

Въ первомъ смыслѣ обращеніе трактовалось внѣ стѣнъ Думы въ теченіе всѣхъ десяти дней, прошедшихъ отъ внесенія предложенія о немъ и до принятія его текста, и трактуется до сихъ поръ въ оффиціальныхъ и реакціонныхъ кругахъ. Петербургскій губернаторъ, напримѣръ, рекомендуетъ земскимъ начальникамъ говорить крестьянамъ, что „такія обращенія и воззванія ни въ какихъ, даже республиканскихъ, странахъ не допускаются; по нашимъ законамъ въ подобномъ образѣ дѣйствій можно видѣть только преступную измѣну присягѣ“.

Во второмъ—его трактовали съ думской каѳедры нѣкоторые изъ октябристовъ и изъ представителей польскаго кола. Особенно характерна была въ этомъ отношеніи рѣчь г. Скирмунта. „Еслибы — говорилъ онъ—Государственная Дума ограничилась, согласно предложенію отъ 23 іюня, представленіемъ срочнаго запроса министерству по поводу правительственнаго сообщенія, то я не просилъ бы слова, чтобы возражать противъ этого. Но теперь дѣло идетъ о совершенно иномъ... Мы находимся въ остромъ недоразумѣніи съ властью. Оказалось желательнымъ нанести ударъ министерству. Да, но не всякіе удары допустимы; нельзя убивать назойливую муху на чужой щекѣ. При подобной партійной борьбѣ необходимо тщательно и осторожно избирать для нея почву“ [1]).

Прежде чѣмъ разбирать оба воззрѣнія, возстановимъ факты.

20 іюня на страницахъ „Правительственнаго Вѣстника“ появилось „правительственное сообщеніе“. Оно начиналось словами: „Исполняя Высочайшее повелѣніе Государя Императора о немедленномъ принятіи мѣръ къ улучшенію быта земельнаго крестьянства, правительство внесло въ Государственную Думу свои предположенія о способахъ улучшенія и расширенія крестьянскаго землевладѣнія и объ измѣненіи порядка землепользованія крестьянъ на ихъ надѣльныхъ земляхъ“. Послѣ этой вступительной фразы и краткихъ мотивовъ, перечисля-

[1]) Оффиціальный стенографическій отчетъ засѣданія 4 іюля, стр. 1962 и 1963.

лись въ десяти пунктахъ „предположенныя правительствомъ и внесенныя имъ на разсмотрѣніе Государственной Думы мѣры для улучшенія земельнаго быта крестьянъ". Среди предположенныхъ мѣръ были упомянуты и слѣдующія двѣ, болѣе чѣмъ рискованныя: а) „вслѣдствіе недостаточности казенныхъ земель для удовлетворенія земельной нужды всей малоземельной части крестьянства, купить для той же цѣли за счетъ государства отъ частныхъ владѣльцевъ добровольно продаваемыя ими земли, и б) продавать пріобрѣтенныя за счетъ государства земли нуждающимся въ ней малоземельнымъ крестьянамъ по цѣнамъ, доступнымъ для крестьянъ, *съ принятіемъ, въ случаѣ надобности, разницы между цѣной, по которой земля пріобрѣтена отъ частныхъ владѣльцевъ, и цѣной, по которой она будетъ предоставлена крестьянамъ, на счетъ общихъ государственныхъ средствъ*". Въ заключеніе перечня, сообщеніе оповѣщало, что „для того, чтобы, не теряя времени, немедленно облегчить положеніе наиболѣе нуждающейся части крестьянства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянская нужда особенно настоятельно требуетъ удовлетворенія, одновременно съ симъ *учреждены* особыя коммиссіи изъ мѣстныхъ людей, въ составъ которыхъ войдутъ и крестьяне, выбранные на волостныхъ сходахъ". Но кѣмъ и на основаніи какого закона „одновременно съ симъ учреждены особыя коммиссіи изъ мѣстныхъ людей"—сообщеніе умалчивало.

Вся вторая часть сообщенія носила рѣзко полемическій характеръ. Сперва, главнымъ образомъ при помощи произвольно комбинируемыхъ среднихъ цифръ, правительство оспаривало „распространяемое (безъ указанія кѣмъ) среди сельскаго населенія убѣжденіе, что земля не можетъ составлять чьей-либо собственности, а должна состоять въ пользованіи только трудящихся на ней, и что поэтому необходимо произвести принудительное отчужденіе *всѣхъ* частновладѣльческихъ земель". А затѣмъ—„распространяемые въ народѣ слухи, будто правительство не соглашается на принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, отстаивая выгоды помѣщиковъ". „Это—говорилось въ сообщеніи—невѣрно: правительство охраняетъ законныя права всѣхъ и каждаго, но въ данномъ случаѣ полагаетъ, что не землевладѣльцамъ нанесло бы ущербъ принудительное отчужденіе отъ нихъ земель, а самому крестьянству. Землевладѣльцы получатъ за свою землю выкупъ по справедливой оцѣнкѣ, т.-е. превратятъ свое земельное имущество въ деньги, которыя будутъ приносить имъ одинаковый и даже болѣе вѣрный доходъ, нежели хозяйство на землѣ. Пострадаетъ отъ предположенной мѣры земледѣльческое сословіе. Болѣе обезпеченные крестьяне лишатся части своей земли, малоземельные получатъ незначительную прибавку. Все крестьянство лишится-вдвое

ботковъ во владѣльческихъ экономіяхъ и, слѣдовательно, лишится значительной части получаемыхъ имъ нынѣ денежныхъ средствъ. Такимъ образомъ, мѣра эта ввергла бы все населеніе страны въ безысходную нищету, а въ годы неурожая обрекла бы его на вѣрный голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями".

Наконецъ, въ третьей части вспоминались „прошлыя заботы русскихъ Государей о земельной нуждѣ крестьянства", которыя „неопровержимо свидѣтельствуютъ, что и въ будущемъ всякія мѣры, направленныя къ этой цѣли и отвѣчающія народной пользѣ, будутъ неуклонно осуществляться исполняющимъ Царскую волю правительствомъ". Послѣдней фразой въ сообщеніи стояло: „Русское крестьянство должно знать и помнить, что не отъ смутъ и насилія оно можетъ ожидать удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ мирнаго своего труда и постоянныхъ о немъ заботъ Государя Императора".

По поводу правительственнаго сообщенія отъ 20-го іюня, 116 членовъ конституціонно-демократической партіи, трудовой и соціалъ-демократической группъ внесли въ Государственную Думу срочное заявленіе о запросѣ. Авторы заявленія исходили изъ признанія сообщенія незакономѣрнымъ—„въ виду того, что министерство отнюдь не можетъ претендовать на исключительное единеніе съ верховной властью послѣ учрежденія Государственной Думы и отождествлять себя съ правительствомъ" — и изъ утвержденія, что сообщеніе „можетъ, при современномъ положеніи государства, повести лишь къ обостренію земельныхъ отношеній".

Утвержденіе это они обосновывали, во-первыхъ, на томъ, „что широкому оглашенію преданы основы аграрной реформы, находящіяся въ полномъ и явномъ противорѣчіи съ заявленными Государственною Думою предположеніями". Во-вторыхъ, на томъ, что слова сообщенія, будто „прибавленіе земли крестьянамъ можетъ ихъ разорить, а уничтоженіе помѣщичьихъ имѣній грозитъ крестьянамъ голодомъ и вѣчной нищетой, равно предостереженія его о якобы грядущемъ отнятіи у крестьянъ ихъ земель и отчужденіи всей земли въ пользу государства, являясь съ одной стороны совершенно произвольными, съ другой—имѣютъ нескрываемую цѣль опорочить въ глазахъ населенія работу Государственной Думы по земельному вопросу".

Въ резолютивной части заявленія предлагалось запросить предсѣдателя совѣта министровъ: „1) На какомъ основаніи сдѣлано означенное сообщеніе отъ имени правительства? 2) Приняты ли мѣры къ тому, чтобы означенное сообщеніе, какъ не исходящее отъ правительства, было немедленно изъято изъ обращенія и опровергнуто въ органахъ печати, его опубликовавшихъ? 3) Сдѣлано ли распоряженіе о томъ, чтобы подобные акты болѣе не повторялись?"

Формулируя запросъ въ этихъ выраженіяхъ, авторы заявленія, очевидно, имѣли въ виду буквальный смыслъ ст. 66 основныхъ законовъ, допускающій запросы не по существу совершеннаго дѣйствія, а по поводу его формальной законномѣрности. Для этого они и въ мотивахъ выдвинули на первое мѣсто неправильное, по ихъ мнѣнію, наименованіе сообщенія „правительственнымъ“, и въ выводахъ сочли себя вынужденными остаться въ предѣлахъ отрицанія за министрами права говорить отъ имени правительства.

Но такая конструкція дѣлала запросъ явно искусственнымъ. Министерство распубликовало сообщеніе исключительной важности и построило его такъ, что при поверхностномъ чтеніи получалось впечатлѣніе, будто въ немъ излагаются не воззрѣнія на способы рѣшенія земельнаго вопроса, высказывавшіяся въ Думѣ гг. Стишинскимъ и Гурко, а воля Монарха. Эту волю оно умѣло и ловко противопоставило намѣреніямъ представителей народа. Оно дало понять, что не отъ Думы народъ можетъ получить и долженъ ожидать дѣйствительнаго удовлетворенія его жгучей нужды; оно заявило, что помимо законодательной власти имъ учреждены какія-то мѣстныя коммиссіи... А Дума будетъ играть словами и спрашивать: почему къ заголовку сообщенія прибавленъ эпитетъ „правительственное“, почему оно не названо просто „сообщеніемъ“ или не выпущено безъ всякаго заголовка?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, авторы заявленія упустили изъ виду, что дѣйствующій законъ вообще не опредѣляетъ понятія „правительство“ и что въ манифестѣ 17-го октября правительствомъ было названо впервые образованное объединенное министерство. А потому текстъ вопросовъ, съ которыми предлагалось обратиться къ предсѣдателю совѣта министровъ, заранѣе обрекалъ запросъ на безрезультатность. Г. Горемыкинъ несомнѣнно, отвѣчая на первый вопросъ, сослался бы на манифестъ 17-го октября и оставилъ бы безъ отвѣта коварные второй и третій. Такимъ образомъ, получилось бы нѣчто вродѣ выстрѣла изъ орудія большого калибра въ пустое пространство. Шумъ, грохотъ, остроуміе—и больше ничего.

26-го іюня Государственная Дума выслушала передъ тѣмъ напечатанное и розданное заявленіе. Я предложилъ перередактировать его резолютивную часть. Вошедшій послѣ меня на каѳедру, членъ Думы Обнинскій, первымъ подписавшій заявленіе, присоединился къ моему предложенію. Онъ просилъ отложить принятіе запроса до слѣдующаго засѣданія, высказавъ при этомъ, однако, опасенія, что въ распоряженіи министерства для отвѣта на запросъ остается, въ силу закона, цѣлый мѣсяцъ, и что въ теченіе этого мѣсяца оно „успѣетъ сдѣлать много такихъ правительственныхъ сообщеній“. „Я положи-

тельно теряюсь—говорилъ г. Обнинскій,—какія можно изобрѣсти средства, чтобы парализовать вредную дѣятельность министерства“ [1]).

Слѣдующій ораторъ, А. А. Мухановъ, высказался одинаково со мною противъ принятія запроса въ предложенной редакціи и за необходимость реагировать на правительственное сообщеніе отъ 20-го іюня, но въ другой формѣ. „По моему,—сказалъ онъ,—незакономѣрность этого правительственнаго сообщенія лежитъ вовсе не въ его названіи, а въ его существѣ. Всякое правительственное сообщеніе имѣетъ опредѣленную цѣль—выяснить извѣстное опредѣленное отношеніе. Правительственное сообщеніе въ области политики международной имѣетъ цѣлью выяснить отношеніе императорской власти къ другому государству. Въ области внутренней политики правительственное сообщеніе должно преслѣдовать двѣ цѣли, если въ нихъ имѣется надобность: разъяснить какой-нибудь вопросъ, или успокоить населеніе, взволнованное какимъ-нибудь событіемъ. Въ данномъ правительственномъ сообщеніи разъясненія никакого нѣтъ; нѣтъ также и успокоенія; напротивъ, вносится смута въ самый острый, жгучій вопросъ. Народъ нашъ можетъ не видѣть разницы между правительствомъ и министерствомъ, и, такимъ образомъ, это сообщеніе можетъ быть имъ понято, какъ сообщеніе, исходящее отъ Монарха, Государственной Думы и министровъ, словомъ, отъ всей совокупности правительства. Такимъ образомъ, вмѣсто разъясненія вопроса и успокоенія взволнованной народной массы, мы видимъ здѣсь попытку (я не стану распространяться послѣ рѣчи члена Государственной Думы Кузьмина-Караваева) внести новую смуту, потому что въ сообщеніи дѣлаются указанія на планы правительства, противорѣчащіе тому, что̀ говорила Государственная Дума передъ лицомъ всей страны и что̀ она сказала Монарху. Народъ подумаетъ, что Дума его обманула и отступила отъ своихъ обѣщаній“ [2]).

Послѣ рѣчи А. А. Муханова, я, сославшись на внесенный издательской коммиссіей, но еще Думой не разсмотрѣнный проектъ „распубликованія и разсылки отдѣльныхъ постановленій и рѣчей“, заявилъ, что положеніе, безвыходное по мнѣнію члена Думы Обнинскаго, въ сущности таковымъ не представляется. Я разбилъ свое первоначальное предложеніе на два: „передать запросъ въ постоянную коммиссію 33-хъ (образованную спеціально для этой цѣли) для перередактированія, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручить той же коммиссіи, или коммиссіи аграрной, какъ болѣе компетентной въ настоящемъ дѣлѣ, выработать проектъ мотивированнаго постановленія Государственной Думы — по-

---

[1]) Оффиціальный стенографическій отчетъ, стр. 1750.

[2]) Тамъ же, стр. 1751.

становленія или формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, это все равно—во всякомъ случаѣ, по содержанію проектъ контръ-сообщенія,—такого контръ-сообщенія, которое могло бы быть распубликовано отъ лица Государственной Думы".

Далѣе говорилъ В. Е. Якушкинъ. Указавъ на то, что наблюдавшееся въ послѣднее время усиленіе аграрнаго движенія въ тульской и курской губ. было въ прямой связи съ министерской декларацiей отъ 13 мая, онъ отмѣтилъ однородность по мысли правительственнаго сообщенія съ декларацiей, почему есть полное основаніе ожидать, что однородны же будутъ и послѣдствія. „Мы обязаны—закончилъ г. Якушкинъ—отвѣтить на это сообщеніе, которое возмущаетъ народъ, такимъ сообщеніемъ отъ имени Государственной Думы, которое должно его успокоить, чтобы народъ видѣлъ, что она, Государственная Дума, не отказалась отъ своихъ начинаній, что она стремится достигнуть возможности удовлетворенія земельной нужды народа" [1]). На баллотировку была поставлена слѣдующая формула: „передать запросъ для редактированія въ коммиссію 33-хъ и поручить аграрной коммиссіи представить проектъ сообщенія отъ Думы". Возраженій никто не заявилъ, и формула была объявлена принятой.

III.

Вотъ точное воспроизведеніе по стенограммѣ обстоятельствъ и мотивовъ принятаго 26 іюня рѣшенія.

На слѣдующій день, 27 іюня, Государственная Дума слушала докладъ издательской коммиссіи. Коммиссія отвергла, въ виду крайней дороговизны и громоздкости матеріала, разсылку полныхъ стенографическихъ отчетовъ во всѣ волостныя правленія. Отвергла она также печатаніе и разсылку извлеченій изъ отчетовъ, справедливо находя, что „сокращеніе преній, исключивъ ихъ живость и всѣ особенности противорѣчій во взглядахъ, сдѣлало бы ихъ не только сухими и безжизненными, но придало бы имъ внѣшнюю кажущуюся безсодержательность". „Съ другой стороны, необходимость измѣненій, непремѣнно связанная съ отсутствіемъ точности, создастъ—докладывала коммиссія—возможность обвиненій въ предвзятости и односторонности, какую бы тщательность ни прикладывали редакторы, которымъ поручался бы пересказъ". Но въ то же время коммиссія полагала, „что если Дума сочтетъ нужнымъ, она можетъ установить существующій единственно во Франціи изъ парламентскихъ странъ обычай

[1]) Тамъ же, стр. 1752.

распубликованія и разсылки по всей странѣ такихъ законопроектовъ, рѣшеній или даже рѣчей, которые она сочтетъ выдающимися и пожелаетъ довести до свѣдѣнія народа". Сообразно съ этимъ коммиссія внесла въ проектъ подъ пунктомъ первымъ второго отдѣла слѣдующее опредѣленіе: „Когда Дума признаетъ необходимымъ поставить все населеніе имперіи въ извѣстность о своемъ постановленіи, или о принятомъ мотивированномъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, или объ отдѣльной, по поводу одного изъ этихъ событій, рѣчи,—она постановляетъ о распубликованіи ихъ".

Разъясняя проектъ, докладчикъ, М. А. Стаховичъ, сказалъ немного: „По пункту первому коммиссія имѣла въ виду не исключительно одинъ изъ перечисляемыхъ для примѣра случаевъ, а, конечно, всю полноту рѣшеній Думы. Дума можетъ постановить распубликовать полный стенографическій отчетъ цѣлаго засѣданія или отдѣльные его моменты, или отдѣльные законопроекты, или одну какую-либо рѣчь, или мотивированный переходъ къ дѣламъ. Это перечисленіе имѣетъ только примѣрное значеніе и не исключаетъ возможности распубликовать полностью все засѣданіе, буде Государственная Дума о томъ постановитъ". Никто не представилъ возраженій, и проектъ коммиссіи былъ принятъ [1]). А такъ какъ вопросъ разсматривался въ порядкѣ наказа, т.-е. не подлежалъ ни передачѣ въ Государственный Совѣтъ, ни послѣдующей санкціи Государя, то изложенное выше опредѣленіе немедленно вступило въ силу. Министры въ засѣданіи Думы 27 іюня по обычаю отсутствовали.

Работа аграрной коммиссіи по составленію проекта обращенія отъ Государственной Думы замедлилась. Докладъ былъ представленъ 3 іюля, и тогда же Дума опредѣлила обсудить его 4 іюля. Коммиссія предложила повторить въ обращеніи касающуюся аграрнаго вопроса часть отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, затѣмъ указать, что Дума послѣ министерской декларації выразила министрамъ недовѣріе „и немедленно приступила сама къ выработкѣ новаго земельнаго закона" и перечислить принятыя уже въ коммиссіи главныя начала этого закона. Далѣе предлагалось напомнить, „что по манифесту 17 октября 1905 г. никакое предположеніе правительства не можетъ воспріять силу закона безъ одобренія Государственной Думы". А въ заключеніе проектировалось сказать: „Что же касается до принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, то Государственная Дума отъ сего основанія новаго земельнаго закона не отступитъ, отклоняя всѣ предположенія, съ этимъ началомъ не согласованныя. Указывая, наконецъ, что только тщательно обдуманный и правильно составленный

[1]) Тамъ же, стр. 1774.

законъ можетъ дать народу земельное обезпеченіе, Государственная Дума надѣется, что населеніе будетъ покойно и мирно ожидать окончанія ея работы по изданію такого закона".

Все засѣданіе 4 іюля, затянувшееся почти до 12 ч. ночи, было посвящено общимъ преніямъ по докладу аграрной коммиссіи. Въ началѣ засѣданія, кажется, присутствовалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Столыпинъ, но участія въ преніяхъ не принималъ.

Наиболѣе энергичныя возраженія противъ проекта обращенія къ народу состояли въ указаніи на несоотвѣтствіе между значеніемъ предложенной мѣры и преслѣдуемой ею цѣлью. Съ точки зрѣнія однихъ, содержаніе проекта не отвѣчало цѣли потому, что было слишкомъ блѣдно и слабо. Съ точки зрѣнія другихъ—если не проектируемый текстъ, то самый фактъ обращенія отъ лица Государственной Думы къ населенію представлялся, сравнительно съ тѣмъ, что̀ имѣлось въ виду, какъ цѣль, чрезмѣрно крупнымъ.

Кромѣ г. Скирмунта, среди этихъ другихъ были кн. Волконскій, кн. Друцкой-Любецкій, г. Ярцевъ, гр. Гейденъ, Л. І. Петражицкій. „Я представляю себѣ—говорилъ Л. І. Петражицкій—такое обращеніе къ народу, какъ актъ великой важности, какъ обращеніе съ новымъ и великимъ словомъ для достиженія великаго эффекта, великой цѣли. И вотъ, съ этой точки зрѣнія, меня прежде всего поражаетъ крайнее несоотвѣтствіе между характеромъ задуманнаго акта—обращеніемъ Думы къ народу, ко всѣмъ народамъ, населяющимъ имперію,—и тѣмъ, что̀ въ этомъ сообщеніи говорится. Какое великое слово сообщается отъ Думы народу? Здѣсь сообщается о разныхъ постановленіяхъ аграрной коммиссіи Думы. Въ этихъ сообщеніяхъ не имѣется ничего существенно новаго по сравненію съ тѣмъ, что̀ Дума въ торжественной формѣ выразила въ отвѣтѣ на тронную рѣчь. Сообщеніе, говоря лишь о работахъ аграрной коммиссіи, будетъ представлять нѣчто весьма скромное и неновое". Ораторъ заявлялъ, что разъясненіе фактическаго положенія дѣла, искаженнаго въ правительственномъ сообщеніи, можетъ быть достигнуто иначе: „можно, напримѣръ, постановить, чтобы аграрная коммиссія представила отчетъ о работахъ, и этотъ отчетъ опубликовать" [1]). Гр. Гейденъ, раздѣляя тотъ же взглядъ, полагалъ, что было бы болѣе правильно рѣшить сообщать во всеобщее свѣдѣніе о ходѣ работъ по аграрному вопросу регулярно—одинъ или два раза въ мѣсяцъ.

Блѣднымъ и слабымъ находили внесенный проектъ гг. Жилкинъ, Ледницкій, Рамишвили, Сафоновъ, Галецкій. Ораторы этой группы, кромѣ г. Ледницкаго, смотрѣли на обращеніе къ народу, какъ на

[1]) Эта и дальнѣйшія цитаты—см. „Страна", №№ 116, 117, 118 и 119.

средство установленія живой связи Думы съ народомъ. Г. Жилкинъ особенно возражалъ противъ послѣднихъ словъ проекта. „Миръ и спокойствіе!—говорилъ онъ.—Но развѣ Государственная Дума явилась благодаря миру и спокойствію?.. По моему мнѣнію, нужно подчеркнуть мысль, что не миръ и спокойствіе, а безпокойство въ хорошемъ и великомъ смыслѣ этого слова можетъ организовать массы, сплотить ихъ около Думы и добиться вмѣстѣ съ Думой осуществленія и другихъ широкихъ и великихъ народныхъ законовъ". Рѣчь г. Ледницкаго носила условный характеръ. Если имѣть въ виду цѣль, намѣченную г. Жилкинымъ, то текстъ проекта, по словамъ г. Ледницкаго, „является ничтожнымъ". Если становиться на путь воззванія къ народу, „то нужно его выработать въ такой формѣ, чтобы она дѣйствительно отвѣчала намѣченной цѣли". Но становиться на этотъ путь г. Ледницкій не рекомендовалъ, а предложилъ ограничиться принятіемъ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ „съ надлежащей рѣзкой мотивировкой, какъ дѣйствій министерства, такъ и положенія страны".

На оба фронта отвѣчали гг. Котляревскій, Гредескулъ, Якушкинъ, Кокошкинъ. Всѣ они стремились ввести вопросъ въ рамки рѣшенія, принятаго Думою 26 іюня. „Прежде всего — такъ началъ г. Котляревскій—я хотѣлъ бы ввести наше теперешнее обсужденіе въ рамки того вопроса, который насъ занимаетъ. Я думаю, что, предпринимая этотъ шагъ, мы ни на какой новый путь не вступаемъ. Ничего революціоннаго въ нашемъ актѣ нѣтъ уже потому, что всякій революціонный призывъ есть призывъ къ дѣйствіямъ, а здѣсь этого нѣтъ. Мы должны просто разсѣять тотъ туманъ, который сталъ между нами и населеніемъ. Никакой перемѣны тактики здѣсь нѣтъ, новаго тоже ничего нѣтъ. Это сообщеніе имѣетъ лишь цѣлью извѣстить населеніе о томъ, что происходитъ, и главное, что есть въ этомъ актѣ, — это широкое освѣдомленіе народа. Разъ это такъ, то, въ сущности говоря, форма не играетъ особенной роли. Здѣсь самое важное, самое главное, чтобы не было никакой неопредѣленности, никакой недоговоренности, но чтобы въ каждомъ нашемъ словѣ чувствовался безусловный авторитетъ истинности и правдивости".

6 іюля Дума перешла къ обсужденію доклада аграрной коммиссіи во второмъ чтеніи, т.-е. по частямъ. И. И Петрункевичъ отъ имени партіи народной свободы внесъ поправку, заключавшую въ себѣ новую редакцію всего текста обращенія. Онъ мотивировалъ необходимость отказаться отъ редакціи аграрной коммиссіи ея недостаточной опредѣленностью, что подтвердили пренія 4 іюля, и вообще слѣдующими соображеніями: „Мнѣ кажется, было бы въ высшей степени важно, еслибы Дума своимъ постановленіемъ ясно и опредѣленно

показала, что въ ея задачу вовсе не входитъ въ настоящій моментъ ни захватъ исполнительной власти, ни вообще революціонизированіе страны. Дума всегда до сихъ поръ стремилась, напротивъ, къ разрѣшенію той смуты, которая создана въ странѣ, къ разрѣшенію исключительно мирными путями. Въ этомъ была ея задача и ея заслуга. Тѣмъ болѣе важно, что она встрѣтила на своемъ пути противодѣйствіе правительства, которое по странности своего режима шло въ этомъ случаѣ на перерѣзъ Думѣ, и, вмѣсто того, чтобы принимать мѣры, которыя могли бы успокоить страну, оно принимало цѣлый рядъ мѣръ, которыя, напротивъ, вносили волненія и смуту".

Г. Жилкинъ, „вмѣсто двусмысленнаго и опаснаго—какъ онъ сказалъ—призыва къ спокойствію и миру", предложилъ отъ имени трудовой группы включить въ обращеніе слѣдующія слова: „Государственная Дума выражаетъ увѣренность, что населеніе съ прежнимъ довѣріемъ будетъ относиться къ ея работамъ и обезпечитъ ей своей мощной, организованной поддержкой полную возможность провести начинанія Государственной Думы въ жизнь".

Открылись горячія пренія между представителями двухъ наиболѣе многочисленныхъ думскихъ партій. Принимали въ нихъ участіе также, съ одной стороны, соціалъ-демократы, съ другой — октябристы. Съ обычнымъ остроуміемъ возражалъ г. Жилкину гр. Гейденъ, заявившій въ концѣ, что „слѣдуетъ поддержать поправку, которая внесена партіей народной свободы".

Прежде всего баллотировалась поправка г. Жилкина и была отвергнута. Эта баллотировка вызвала со стороны соціалъ-демократовъ мотивированный отказъ отъ участія въ дальнѣйшемъ обсужденіи проекта обращенія. „Въ виду того—заявилъ отъ имени ихъ г. Ишерскій,—что большинство Думы приняло такой текстъ обращенія, главный смыслъ котораго сводится къ укору народа и призыву его къ спокойствію, а не къ обличенію тѣхъ правительственныхъ насильниковъ, которые сдѣлали Думу безсильной и не оставляютъ народу другого пути, какъ путь насильственной борьбы за свободу и землю, мы видимъ себя вынужденными отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ обсужденіи проекта обращенія, а при окончательномъ голосованіи будемъ голосовать противъ него, оставляя за собой право самостоятельнымъ обращеніемъ выяснить народу истинное положеніе дѣлъ".

Послѣ этого пренія сразу приняли дѣловой характеръ и сосредоточились на частныхъ измѣненіяхъ текста поправки г. Петрункевича. Болѣе существенно было отвергнутое Думой предложеніе г. Гралевскаго, отъ лица польскаго кола, включить въ обращеніе слова: „будетъ примѣнено устройство земельнаго дѣла согласно съ мѣстными условіями, по волѣ мѣстнаго населенія". Принятіемъ этой вставки

члены кола обусловливали голосованіе за редакцію партіи народной свободы.

Въ конечномъ результатѣ большинство 124 голосовъ противъ 53, при 101 воздержавшихся, приняло слѣдующій текстъ съ заголовкомъ „Отъ Государственной Думы“:

„20 іюня министерство опубликовало правительственное сообщеніе, въ которомъ оно объявляетъ свои предположенія о земельномъ законѣ.

„Это сообщеніе подрываетъ въ населеніи вѣру въ правильное разрѣшеніе земельнаго вопроса законодательнымъ путемъ.

„Государственная Дума стремилась и стремится къ мирному установленію новаго порядка въ странѣ. Дума надѣется, что разъясненіе истиннаго положенія, въ которомъ находится вопросъ о земельномъ законѣ, дастъ возможность населенію покойно и мирно ждать окончанія работы по изданію земельнаго закона.

„Прежде всего Государственная Дума считаетъ необходимымъ напомнить, что, согласно манифесту 17 октября 1905 года, никакое предположеніе правительства не можетъ воспріять силу закона безъ одобренія Государственной Думы.

„Еще 5 мая, въ отвѣтѣ на тронную рѣчь Государя Императора, Дума слѣдующими словами высказалась о земельномъ вопросѣ:

„Наиболѣе многочисленная часть страны—трудовое крестьянство съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая Русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, еслибы она не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ“.

„На это выраженіе воли народныхъ представителей совѣтъ министровъ заявилъ, что принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель безусловно недопустимо. Тогда Государственная Дума выразила министерству свое недовѣріе и немедленно приступила къ составленію новаго земельнаго закона. Особая коммиссія, образованная Думою изъ представителей всѣхъ мѣстностей Россіи, разрабатываетъ теперь этотъ законъ.

„Въ основаніе новаго земельнаго устройства полагаются начала, указанныя Государственной Думой въ отвѣтномъ адресѣ Государю Императору. Принудительное отчужденіе должно совершиться на основаніи особаго о томъ закона, имѣющаго цѣлью надѣленіе отчуждаемою землею трудящагося крестьянства.

„По вопросу о томъ, какія земли подлежатъ принудительному отчужденію, коммиссія предположила, что, во всякомъ случаѣ, не

должны быть отчуждаемы „надѣльныя земли всѣхъ наименованій“, а затѣмъ также и мелкія владѣнія.

„Въ той же коммиссіи вырабатывается законъ объ особыхъ мѣстныхъ земельныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ населеніе черезъ своихъ выборныхъ приметъ участіе въ правильномъ и справедливомъ устройствѣ земельныхъ дѣлъ.

„Отъ предположенныхъ Государственной Думою основаній новаго земельнаго закона Государственная Дума не отступитъ и никакія предположенія, съ ними несогласованныя, не могутъ быть ею одобрены“.

IV.

Я не безъ умысла привелъ текстъ обращенія „отъ Государственной Думы“ полностью, безъ всякихъ сокращеній, и изложилъ съ подробностью, быть можетъ утомительной, сущность преній, происходившихъ 4-го и 6-го іюля. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ дѣятельности Думы, общество ежедневно получало, въ видѣ газетныхъ отчетовъ, такое множество матеріала захватывающаго интереса, что положительно не имѣло возможности слѣдить съ достаточнымъ вниманіемъ за всѣмъ, что въ Думѣ говорилось и что Думою рѣшалось. Газеты по необходимости прочитывались на-спѣхъ, и прежде, чѣмъ усвоивались одни извѣстія, печать несла уже другія. Отъ чтенія оставалось только общее впечатлѣніе, причемъ рѣшенія естественно смѣшивались съ предложеніями и рѣчами—и наоборотъ.

Какъ справедливо говорилъ 4-го іюля С. А. Котляревскій, всякій революціонный призывъ непремѣнно предполагаетъ призывъ къ дѣйствіямъ. Ибо идейная революція не есть революція въ обычномъ смыслѣ понятія: въ такомъ смыслѣ она составляетъ одинъ изъ элементовъ развившагося общественнаго движенія—не больше. Къ какимъ же дѣйствіямъ призывала Дума населеніе? Можно ли, примѣняя самые изощренные сыщическіе пріемы, разыскать въ строкахъ и между строкъ думскаго обращенія призывъ къ какому бы то ни было дѣйствію? Можно ли назвать революціоннымъ по содержанію такой актъ, въ которомъ учрежденіе, его выпускающее, говоритъ, что оно „стремилось и стремится къ *мирному* установленію новаго порядка въ странѣ“ и затѣмъ выражаетъ надежду на *покойное и мирное* ожиданіе населеніемъ окончанія законодательной работы? Дума даже позаботилась о томъ, чтобы и мысли не возникло у народа о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель въ порядкѣ самовольнаго захвата и сказала: „принудительное отчужденіе должно совершиться на основаніи *особаго о томъ закона*“.

Правда, Думѣ сдѣлано было предложеніе придать обращенію иной характеръ. Трудовая группа желала видѣть въ его текстѣ слова, которыя, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, возможно считать замаскированнымъ призывомъ къ революціи. Но это предложеніе было отвергнуто. И то, что оно было внесено и, несмотря на энергичную поддержку, было отвергнуто, развѣ не служитъ лучшимъ доказательствомъ, что большинство Государственной Думы—т.-е. Дума, какъ учрежденіе—вполнѣ сознательно отнеслось къ каждому слову обращенія и отнюдь не имѣло ни явнаго, ни скрытнаго намѣренія сходить съ пути конституціоннаго на путь революціонный? Правда, по поводу обращенія нѣкоторые ораторы и группа соціалъ-демократовъ въ своемъ мотивированномъ заявленіи шли еще дальше, чѣмъ предложеніе г. Жилкина. Одинъ изъ ораторовъ говорилъ: „Государственная Дума должна взять въ свои руки временную исполнительную власть“. Но отразились ли и въ чемъ эти слова и это заявленіе въ принятомъ Думою рѣшеніи?

„Революціонное выступленіе“, выразившееся въ письменномъ актѣ, —безсмыслица, если содержаніе акта не революціонно. Какъ отдѣльный человѣкъ, совершившій дѣйствіе, формально неправильное, но не революціонное по содержанію, не можетъ быть обвиненъ въ посягательствѣ на ниспроверженіе существующаго государственнаго строя, такъ нельзя называть революціоннымъ выступленіемъ нарушеніе учрежденіемъ его компетенціи или установленныхъ закономъ формъ отправленія дѣятельности. Иначе пришлось бы преслѣдовать, какъ революціонера, всякаго, оказывающаго сопротивленіе органамъ власти, или даже каждаго вора, и признавать революціоннымъ выступленіемъ приговоръ суда, постановленный съ отступленіемъ отъ правилъ подсудности, или формально неправильное постановленіе административной коллегіи.

Такимъ образомъ, уже одно отсутствіе революціоннаго содержанія въ принятомъ Думою обращеніи къ народу устраняетъ возможность его трактованія, какъ „революціоннаго выступленія“. Но и по формѣ его отнюдь нельзя назвать революціоннымъ, въ смыслѣ прямого отрицанія опредѣленныхъ закономъ рамокъ дѣятельности Думы, или тѣхъ границъ, которыя, не будучи начертаны въ законѣ, обозначаются основами конституціоннаго строя.

По словамъ петербургскаго губернатора, подобныя „обращенія ни въ какихъ, даже республиканскихъ, странахъ не допускаются“. Это мнѣніе, какъ явно основанное на незнаніи фактовъ, не требуетъ опроверженій. Что же касается того, что во Франціи—не конституціонная монархія, а республика, то въ данномъ случаѣ важно только соотношеніе между представительной палатой и министерствомъ, для чего

безразлична организація верховной власти. По словамъ того же губернатора, „по нашимъ законамъ въ подобномъ образѣ дѣйствій можно видѣть только преступную измѣну присягѣ“. Авторъ руководства для бесѣдъ земскихъ начальниковъ съ крестьянами умалчиваетъ, по какимъ „нашимъ законамъ“, и ни одного изъ общеизвѣстныхъ текстовъ присяги не приводитъ. И, конечно, онъ самъ не станетъ спорить, что предлагаемая имъ къ внѣдренію въ умы крестьянъ фраза — просто наборъ „страшныхъ“ словъ. Преступно только то, что̀ воспрещено уголовнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія. Обращеніе же отъ Государственной Думы къ населенію ни одной статьей уголовнаго уложенія и уложенія о наказаніяхъ не предусмотрѣно. А подъ измѣною законъ разумѣетъ нѣчто совсѣмъ другое.

Не только обложеннаго уголовной карой запрета обращаться отъ Государственной Думы къ населенію не существуетъ, но и вообще такое дѣйствіе закономъ не запрещено. Дѣйствительно, нѣтъ въ законѣ указаній и на право дѣлать такого рода обращенія. Но гдѣ указанія, что это право принадлежитъ правительству—въ лицѣ отдѣльныхъ министровъ или объединеннаго министерства? Вновь созданной Государственной Думѣ приходилось, безъ сложившихся практикой обычаевъ, опредѣлять пріемы своей работы. Обязательными для нея были лишь прямыя указанія и запреты основныхъ законовъ и учрежденія Думы. Она рѣшила полныхъ стенографическихъ отчетовъ въ исключительно большомъ количествѣ экземпляровъ не печатать и не распространять, но для особыхъ случаевъ усвоить обычай, существующій во Франціи. Это рѣшеніе не вызвало протеста, и Дума послѣ 27-го іюня распущена не была. А между тѣмъ обращеніе, вотированное 6-го іюля, было не чѣмъ инымъ, какъ первымъ примѣненіемъ рѣшенія 27-го іюня.

Абсолютно нельзя понять, въ чемъ была бы разница, еслибы Государственная Дума придала обращенію характеръ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, какъ предлагалъ А. Р. Ледницкій, или отчета аграрной коммисіи, какъ предлагалъ Л. І. Петражицкій. Суть въ томъ, что Дума постановила распубликовать обращеніе особо отъ стенографическаго отчета. И именно этимъ, а вовсе не заголовкомъ и не внѣшнимъ характеромъ изложенія, объясняется, почему министерство, не реагировавшее на принимавшіяся раньше гораздо болѣе рѣзкія переходныя формулы, объявило обращеніе недопустимымъ по формѣ актомъ. Также точно оно отнеслось бы, разъ желало найти поводъ для роспуска Думы, и къ постановленію объ особомъ распубликованіи мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ, отчета аграрной коммиссіи и т. п. Слишкомъ наивно думать, что измѣненіе внѣшняго вида „обращенія“ сыграло бы какую-либо роль. Какъ разъ-

яснялъ М. А. Стаховичъ, принятый 27-го іюня перечень подлежащихъ распубликованію актовъ — постановленіе, мотивированный переходъ, рѣчь—имѣлъ примѣрное значеніе. И независимо отъ этого разъясненія, развѣ принятіе обращенія не было въ техническомъ смыслѣ постановленіемъ?

Что обращеніе отъ Государственной Думы не было, по замыслу подавшихъ за него голосъ, только боевымъ ударомъ въ борьбѣ съ министерствомъ—объ этомъ, послѣ воспроизведенія текста обращенія и сущности преній, едвали нужно особенно распространяться. Всѣ говорившіе въ пользу обращенія высказывали гораздо болѣе глубокія мысли. Подрывъ авторитета Думы, разрушеніе вѣры народной въ Думу — вотъ что̀ считали они главнымъ зломъ правительственнаго сообщенія 20-го іюня. Для нихъ, конечно, было ясно, что обращеніе явится ударомъ по адресу министерства, но въ ихъ глазахъ это было обстоятельство попутное—послѣ всѣхъ вотумовъ недовѣрія неизбѣжнообычное и по послѣдствіямъ малозначащее, такъ какъ нравственный авторитетъ бюрократическаго министерства уже помимо Думы многолѣтними предшественниками гр. Витте, И. Л. Горемыкина и П. А. Столыпина давно низведенъ къ нулю. Специфическій характеръ боевого удара неизмѣримо болѣе имѣло правительственное сообщеніе, чѣмъ отвѣтное на него обращеніе Думы. Прочтите второе непосредственно послѣ перваго и скажите: гдѣ полемическій тонъ, гдѣ субъективизмъ, гдѣ краснорѣчивые кивки и намеки?.. Правительство, забывъ, что одному Монарху принадлежитъ право аппеляціи къ народу въ конфликтѣ съ представителями—путемъ ихъ роспуска и назначенія новыхъ выборовъ,—своимъ сообщеніемъ передавало на усмотрѣніе народа его споръ съ Думой. А Дума самое бо̀льшее, что говорила по адресу правительства— что она ему не довѣряетъ, за нимъ не пойдетъ и ему не уступитъ.

Глубоко неправъ былъ г. Скирмунтъ, положившій въ основу своей рѣчи слова: „оказалось желательнымъ нанести ударъ министерству". Нѣтъ, оказалось необходимымъ сдѣлать шагъ для предотвращенія того, чтобы правительственное сообщеніе не произвело вреднаго дѣйствія, чтобы оно не уронило авторитета Думы и чтобы извѣрившееся крестьянство не дошло логически—при содѣйствіи революціонной агитаціи—до мысли: „мы сами возьмемъ". И чувство ни на кого не перелагаемой отвѣтственности подсказало большинству Думы, что оно должно обратиться къ крестьянамъ съ искреннимъ и правдивымъ словомъ успокоенія. Для этого ему пришлось напомнить смыслъ манифеста 17-го октября, повторить твердое рѣшеніе не отступать отъ начала принудительнаго отчужденія земель, находящихся въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, и сказать, что между Думой и министерствомъ лежитъ непереходимая

бездна. Въ разсчеты большинства Думы не входилъ призывъ народа къ активной революціонной борьбѣ съ правительствомъ—и она такого призыва не сдѣлала. Но въ его разсчеты также не входило—нанести только лишній ударъ министерству.

И не одни „зловредные“ члены распущенной Государственной Думы въ концѣ іюня и въ началѣ іюля полагали, что насталъ моментъ для Думы обратиться къ крестьянству. Та же мысль была даже у представителей администраціи. 27 іюня, на другой день послѣ внесенія мною предложенія о такомъ обращеніи, я получилъ изъ Воронежа отъ управлявшаго губерніей вице-губернатора слѣдующую телеграмму, поданную тогда, когда въ Воронежъ еще не могли придти извѣстія ни о моемъ предложеніи, ни о рѣшеніи Думы. „Во имя любви къ многострадальному народу, умоляемъ Думу издать воззваніе къ крестьянамъ. Призовите ихъ къ терпѣнію, твердой вѣрѣ въ плодотворность работы Думы. Потухающая надежда, безысходная нужда толкаютъ ихъ на безумства. Только-что вернулся съ аграрныхъ безпорядковъ. Сердце сжимается отъ пережитого. Едва сдерживаешь рыданія. Одной лаской, любовью можно предотвратить предстоящія кровопролитія, въ чемъ лично убѣдился. Другого способа нѣтъ. Спѣшите. Пожалѣйте родину. Вице-губернаторъ Кохъ“ [1]).

V.

Что поводомъ роспуска Думы послужило обращеніе къ населенію, или, вѣрнѣе, что министерство ухватилось за обращеніе, чтобы создать поводъ для роспуска—это стоитъ внѣ спора. Но дѣйствительная причина, почему 8-го іюля Государственная Дума была распущена, лежитъ, конечно, ни въ обращеніи, какъ анти-конституціонномъ актѣ, ни въ его содержаніи. Она коренится глубоко: еще не настало время для реализаціи объявленнаго перехода Россіи къ новому государственному строю и для обновленія законодательства—въ частности регламентирующаго соціально-экономическія отношенія. Это время

[1]) Ни тогда, ни потомъ я не дѣлалъ изъ этой телеграммы тайны, но и не предполагалъ, само собою разумѣется, ее печатать. Дѣлаю это только потому, что она уже была напечатана — не знаю, кто доставилъ текстъ—въ „Воронежскомъ Словѣ“ и оттуда была заимствована нѣкоторыми другими изданіями. Кстати: эта телеграмма послужила поводомъ къ тому, что г. Кохъ былъ немедленно вызванъ въ Петербургъ и затѣмъ уволенъ отъ должности. Любопытно, что г. Коху въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ была предъявлена ея копія. Я никому телеграммы г. Коха для снятія копіи не давалъ; онъ, надо думать,—также. Какъ же она попала въ министерство? Остается предположить, что и корреспонденція управляющихъ губерніями не свободна отъ перлюстраціи.

настанетъ—и настанетъ скоро,—но пока необходимая эволюція еще не завершилась.

Бюрократія, особенно высшая, всегда стояла внѣ жизни — и такою же она осталась послѣ созыва Думы. Въ Думѣ оказались призванными для совмѣстной работы люди, абсолютно чуждые другъ другу, говорившіе на разныхъ языкахъ и потому другъ друга не понимавшіе. Избранные народомъ представители пришли перестроить съ фундамента все зданіе государства. А встрѣтившіе ихъ министры, — быть можетъ, совершенно искренно желавшіе обновленія,—и въ мысляхъ не имѣли, что невозможно ограничиться чисткой фасада, перемѣной балокъ и отдѣльныхъ камней изъ фундамента.

Въ отвѣтномъ адресѣ Государю Дума сказала, что она „почитаетъ неотложно необходимымъ обезпечить страну точнымъ закономъ о неприкосновенности личности, свободѣ совѣсти, свободѣ слова и печати, свободѣ союзовъ, собраній и стачекъ". Министерство въ декларацiи 13-го мая на это заявленіе не возражало, но поспѣшило оговорить: „при выполненіи этой законодательной работы необходимо вооружить административную власть дѣйствительными способами къ тому, чтобы и при дѣйствіи законовъ, разсчитанныхъ на мирное теченіе государственной жизни, правительство могло предотвращать злоупотребленія дарованными свободами и противодѣйствовать посягательствамъ, угрожающимъ обществу и государству". Министры явно этимъ говорили: пусть живущіе милостью начальства обыватели обратятся въ гражданъ, обладающихъ свободой и правами; но пусть въ рукахъ администраціи, все-таки, останется право на произволъ, — это есть единственно дѣйствительный способъ управленія. Впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ и его товарищъ, г. Макаровъ, не разъ сообщали Думѣ, какъ нѣчто, что̀ должно ее удовлетворить, что о тысячѣ слишкомъ административно сосланныхъ и арестованныхъ дѣла въ министерствѣ пересматриваются и что нѣсколько сотъ лицъ уже освобождено. И имъ, очевидно, въ голову не приходило, насколько больно бьютъ по нервамъ членовъ Думы ихъ слова. Они не понимали, что въ глазахъ представителей народа, пришедшихъ установить начала гражданской свободы, не то важно, что X былъ посаженъ въ тюрьму, а Y сосланъ, а то, что они были арестованы и сосланы безъ суда и безъ вины, по произвольному усмотрѣнію, и затѣмъ по тому же усмотрѣнію освобождены.

Бюрократія, катясь по наклонной плоскости уступокъ, докатилась до возвѣщенія гражданской свободы, до конституціоннаго строя и до признанія необходимости широкихъ коренныхъ реформъ. Но всего значенія поставленныхъ на очередь вопросовъ она, если была искренна въ торжественныхъ обѣщаніяхъ и возвѣщеніяхъ, не усвоила. Ей и

послѣ созыва Думы казалось, и теперь, повидимому, кажется, что ни отношенія ея къ населенію, ни отношенія къ ней населенія не измѣнились, что не предстоитъ переворота въ понятіяхъ, отказа отъ старыхъ пріемовъ управленія и перехода къ совершенно инымъ — словомъ, что ничего особеннаго не произошло и не предстоитъ. Въ помощь министрамъ былъ прежде Государственный Совѣтъ изъ старцевъ-сановниковъ. Теперь Совѣтъ—наполовину изъ старцевъ, наполовину изъ дворянъ, земцевъ, и т. д., и Государственная Дума изъ представителей отъ всѣхъ сословій и классовъ. И прежній Государственный Совѣтъ, случалось, журилъ министровъ, но, главное, онъ имъ помогалъ въ *ихъ* отвѣтственномъ дѣлѣ. Призывомъ Думы къ помощи и закончилъ свое величаво-поучительное чтеніе И. Л. Горемыкинъ 13-го мая: „Совѣтъ министровъ питаетъ увѣренность, что Государственная Дума, въ убѣжденіи, что мирное преуспѣяніе Россійскаго государства зависитъ отъ разумнаго сочетанія свободы и порядка, своей спокойной созидательной работой *поможетъ ему внести столь необходимое для страны успокоеніе во всѣ слои населенія*“.

Не разъ приходилось въ Думѣ вспоминать обстоятельства, предшествовавшія первому земскому съѣзду въ ноябрѣ 1904 года. Благожелательный къ проявленіямъ общественной самодѣятельности, князь Святополкъ-Мирскій, сначала съѣздъ разрѣшилъ, и начальникъ управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства предлагалъ даже устроителямъ съѣзда для засѣданій залы министерства. Но когда была представлена программа намѣченныхъ для обсужденія вопросовъ, все сразу измѣнилось. Разрѣшеніе было взято обратно, и, какъ разсказывали, начальникъ управленія, увидя программу, съ горечью говорилъ тѣмъ же устроителямъ: „а я думалъ, соберемся, потолкуемъ о земскихъ нуждахъ и дѣлахъ, вы намъ поможете своимъ опытомъ и знаніями“... Такъ и на Государственную Думу хотѣла смотрѣть бюрократія.

VI.

Земельный вопросъ въ современной Россіи—самый грандіозный, жгучій и больной, и не случайно конфликтъ произошелъ на почвѣ этого вопроса. По отношенію ко всему остальному, что было выражено въ отвѣтномъ адресѣ Думы, совѣтъ министровъ ограничивался оговорками. А по отношенію къ земельному вопросу заявилъ, что разрѣшеніе его на предположенныхъ Думою основаніяхъ „безусловно недопустимо“. Какъ только имъ былъ изготовленъ проектъ земельной реформы, совѣтъ министровъ счелъ нужнымъ издать „правительствен-

ное сообщеніе“ и разослать его кипами земскимъ начальникамъ, чтобы оно дошло до каждаго крестьянина.

Въ чемъ же состояла основа разногласія между Думой и министерствомъ по земельному вопросу? Почему министерство придавало столь исключительное значеніе этому разногласію и во всеоружіи власти ополчилось на предположенія Государственной Думы?

Предметомъ разногласія былъ голый принципъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Именно голый,— потому что за два мѣсяца работы Думы почти ничто изъ средствъ проведенія его въ жизнь еще не опредѣлилось. Въ отвѣтномъ адресѣ Дума сказала: „первая русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, еслибы она не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности (трудового крестьянства), путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и *принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ*“—и поставила точку. Имѣла ли Дума въ виду отчужденіе возмездное или безвозмездное, всѣхъ частновладѣльческихъ земель или нѣкоторыхъ, въ зависимости ли отъ возможности удовлетворить иными мѣрами мѣстную нужду крестьянъ въ землѣ или нѣтъ, предполагала ли она передачу отчужденныхъ земель на правѣ собственности или на правѣ арендномъ, и т. д., и т. д.,—все это еще оставалось въ области открытыхъ вопросовъ. Безконечно долгія пренія, предшествовавшія образованію аграрной коммиссіи, напротивъ, показали, что, при единодушномъ отношеніи къ принципу, внутри самой Думы существуетъ крайнее различіе взглядовъ на средства его проведенія, и что всякій радикализмъ въ развитіи принципа скорѣе будетъ отвергнутъ, нежели получитъ торжество. Подтвержденіемъ послѣдняго не могъ также не служить условный и далекій отъ радикализма характеръ аграрной программы главенствовавшей въ Думѣ партіи.

Чисто принципіально мотивировало свои знаменитыя слова: „безусловно недопустимо“ и министерство въ декларацiи 13-го мая. Оно говорило: „Не можетъ государственная власть отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество“. „Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является, во всемъ мірѣ и на всѣхъ ступеняхъ развитія гражданской жизни, краеугольнымъ камнемъ народнаго благосостоянія и общественнаго развитія, кореннымъ устоемъ государственнаго бытія, безъ коего немыслимо и самое существованіе государства“. Но это были, очевидно, болѣе слова, чѣмъ доводы. Ни одинъ изъ устоевъ государственнаго бытія не чуждъ ограниченій, ибо жизнь никогда не укладывается цѣликомъ въ рамки отвлеченныхъ теоретическихъ формулъ. Начало неотъемлемости и неприкосновен-

ности собственности мирно живетъ рядомъ съ экспропріаціей имущества на общественныя надобности—для проведенія желѣзныхъ дорогъ, устройства крѣпостей, даже войсковыхъ стрѣльбищъ. Оно не помѣшало освободить въ 1861 г. крестьянъ съ землею,—позже—издать лѣсоохранительный законъ, рѣзко нарушившій „краеугольный камень народнаго благосостоянія и общественнаго развитія".

Но вскорѣ затѣмъ министерство раскрыло свои карты. Въ засѣданіи Думы 19-го мая товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Гурко, говорилъ: „Не думайте, господа, что выгоды землевладѣльцевъ я отстаиваю, стремясь доказать пагубность для нашей страны предположенной мѣры. Наоборотъ, я того мнѣнія, что если стать исключительно на точку зрѣнія личныхъ, преходящихъ выгодъ землевладѣльцевъ, то предложенная мѣра, въ томъ видѣ, какъ она изложена въ запискѣ 42-хъ членовъ Государственной Думы, въ высокой степени соотвѣтствуетъ этимъ интересамъ. Дѣйствительно, что̀ предположено? Купить у землевладѣльцевъ принадлежащія имъ земли по справедливой цѣнѣ. Но вѣдь это именно то, что̀ они нынѣ всѣ желаютъ сдѣлать. Всѣмъ извѣстно, что въ настоящую минуту предложеній о продажѣ земель поступаетъ въ крестьянскій банкъ свыше мѣры. При современныхъ обстоятельствахъ едвали кто-либо признаетъ, что владѣніе землей составляетъ завидное преимущество, по сравненію съ владѣніемъ деньгами. Если же говорить, что многіе помѣщики дорожатъ своими усадьбами, доставшимися имъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, то въ этомъ отношеніи имъ опасаться нечего. Эти усадьбы за ними благосклонно сохраняются предложеніемъ, внесеннымъ въ Думу. Нѣтъ, не ради выгодъ землевладѣльческаго сословія я стою на той точкѣ зрѣнія, что мѣра эта пагубна, а ради выгодъ всей страны, ради сохраненія мощи Россіи, и прежде всего ради интересовъ сельскихъ народныхъ массъ. Не землевладѣльцевъ эта мѣра ввергнетъ въ нищету и обездолитъ, а тѣ самыя сельскія массы, участь которыхъ вамъ такъ близка и васъ столь серьезно озабочиваетъ. Увы, нашихъ землевладѣльцевъ приходится убѣждать не въ необходимости разстаться со своей землей, а наоборотъ, въ томъ, что ихъ патріотическій долгъ состоитъ въ сохраненіи хотя бы части ихъ земельныхъ владѣній, не взирая на тѣ тяжелыя условія, въ которыя они нынѣ поставлены" [1]).

Эти слова говорилъ г. Гурко, формально не входившій въ составъ кабинета, но это были мысли всего министерства. 20-го іюня оно ихъ повторило, частью въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ правительственномъ сообщеніи. Г. Гурко повѣдалъ Думѣ давно извѣстную истину:

---

[1]) Оффиц. стенографическій отчетъ, стр. 522.

нашихъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ „убѣждать въ необходимости разстаться со своей землей не приходится“. Они завалили предложеніями крестьянскій банкъ. Въ общемъ правилѣ, они всѣ хотятъ продать земли—только продать какъ можно дороже. Но все остальное въ словахъ г. Гурко—рядъ сплошныхъ софизмовъ, которые не въ силахъ прикрыть, что онъ—а за нимъ министерство—отстаиваетъ именно „личныя преходящія выгоды землевладѣльцевъ“.

Правительственное сообщеніе, не безъ кивка въ сторону кадетской программы и составлявшихъ ее помѣщиковъ-земцевъ, иронизировало надъ выкупомъ по „справедливой“ оцѣнкѣ. А само противопоставляло ей цѣну добровольно продаваемой земли, т.-е. оцѣнку продавца. Не вѣря въ патріотизмъ землевладѣльцевъ и ограждая крестьянъ отъ передачи имъ земель по „справедливой“ оцѣнкѣ, оно объявляло, что государство должно покупать лишь добровольно продаваемыя земли—значитъ, по цѣнамъ продавцовъ. Да вѣдь всѣ землевладѣльцы, какъ говорилъ г. Гурко, только и мечтаютъ продать земли. И неужели они ихъ не продадутъ по ими самими назначенной цѣнѣ? А если продадутъ,—для чего проектъ, изложенный въ правительственномъ сообщеніи, раскрываетъ не двери, а ворота,—то причемъ окажутся заботы о сохраненіи частнаго землевладѣнія въ интересахъ крестьянъ, дабы они не лишились заработковъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ?

Бюрократія неисчислимымъ количествомъ нитей связана съ служилымъ сословіемъ—дворянствомъ—и съ крупнымъ землевладѣніемъ. Она въ теченіе десятилѣтій всячески поддерживала помѣстное дворянство. Она не останавливалась и нынѣ не останавливается передъ тѣмъ, что дворянскій и крестьянскій банки вздули цѣны на землю до того, что вынужденное ее покупать крестьянство платитъ больше процентовъ, чѣмъ получаетъ чистаго дохода. Она готова пожертвовать за счетъ государства всѣмъ, только бы дворяне-землевладѣльцы могли продать земли по дорогой цѣнѣ. Принудительное отчужденіе означаетъ полученіе платы по „справедливой“ для двухъ сторонъ оцѣнкѣ. Добровольно же „я“ продамъ за то, чего потребую. Очевидно—первое „безусловно недопустимо“. А дабы не пострадалъ „мужичокъ“, разницу между дѣйствительной стоимостью земли и покупною министерство предупредительно принимаетъ „на счетъ общихъ государственныхъ средствъ“. Подобнымъ образомъ не разъ воспособлялось дворянство. Только впередъ этимъ воспособленіямъ за счетъ государственной казны, т.-е. того же мужицкаго кармана, уже „заказаны пути“. Какова бы ни была Дума второго созыва, она не пойдетъ за гг. Горемыкинымъ, Столыпинымъ, Стишинскимъ, Гурко и не покроетъ себя позоромъ принятія правительственнаго земельнаго проекта.

Итакъ, вотъ какъ проста причина „безусловной недопустимости“

принудительнаго отчужденія земель! Вотъ почему министерство со всѣмъ могло мириться, но разъ только Дума рѣшила сказать крестьянамъ, что отъ этого начала земельной реформы она не отступитъ—для министерства явился поводъ Думу распустить. И что бы ни говорили внѣ министерскихъ круговъ наши аграріи въ защиту той же „недопустимости", главное ихъ соображеніе—какъ бы выгоднѣе и дороже ликвидировать имѣнія. Для немногихъ — еще присоединяется сознаніе, что мѣстное вліяніе и значеніе состоятельныхъ классовъ стоятъ въ прямой зависимости не отъ обладанія капиталомъ въ процентныхъ бумагахъ или городской недвижимостью, а именно отъ обладанія землей. Для этихъ немногихъ ясно, что только съ потерею состоятельными классами земли наступятъ новыя соціально-экономическія отношенія и дѣйствительная демократизація общества. Отъ нихъ приходилось слышать: „Да, это будетъ, будетъ неизбѣжно, но зачѣмъ дѣлать сегодня, если можно еще отложить до завтра?"

Среди сторонниковъ сохраненія крупной частной земельной собственности стоятъ почти поголовно землевладѣльцы царства польскаго и западнаго края. Справедливость требуетъ признать, что они занимаютъ между единомышленниками обособленное мѣсто. Всѣ мѣропріятія мудраго бюрократическаго режима всегда давали обратный результатъ. Сорокъ лѣтъ правительство ограждало интересы помѣстнаго дворянства въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, — а оно безудержно таяло и остатки его „не приходится убѣждать въ необходимости разстаться съ землей". Сорокъ лѣтъ правительство не стѣснялось мѣропріятіями, дабы вырвать земли изъ рукъ польскаго дворянства въ царствѣ и особенно въ западномъ краѣ,—а польское землевладѣніе тамъ окрѣпло и стало высоко-культурнымъ. Подъ вліяніемъ мѣръ правительства, тамъ сохраненіе имѣній стало долгомъ чести и связало владѣльцевъ съ землей не одними узами воспоминаній о пирахъ, охотахъ и вольготной жизни въ дѣдовскихъ и прадѣдовскихъ усадьбахъ. Понятно, поэтому, что принципъ принудительнаго отчужденія бьетъ землевладѣльцевъ царства польскаго и западнаго края не только по карману, а по самымъ дорогимъ чувствамъ привязанности къ гонимому въ теченіе столѣтія родному краю. И понятно также, почему ихъ представители въ Думѣ всѣми силами стремились къ тому, чтобы рѣшеніе аграрнаго вопроса было передано изъ центра на мѣста: они видѣли, что ихъ отношеніе къ землѣ и отношеніе къ землѣ массы русскихъ землевладѣльцевъ—не единицъ—глубоко различны.

Понять—конечно, не значитъ согласиться. Я отмѣчаю данное явленіе, какъ фактъ, не входя въ его разборъ и оцѣнку и не дѣлая изъ него выводовъ.

Государственная Дума распущена потому, что тѣ, кто еще достаточно сильны, дабы фактически распоряжаться судьбами Россіи, не докатились по пути уступокъ до сознанія, что они должны, если не уйти совсѣмъ, то отойти въ сторону. Вина бывшихъ членовъ первой Государственной Думы—въ томъ, что они повѣрили въ искренность намѣренія стараго режима добровольно капитулировать. За это—они отвѣтственны передъ исторіей и передъ избирателями.

Въ эволюціонномъ ходѣ событій ничто не совершается быстро, но и ни одинъ моментъ предшествующій не пропадаетъ безслѣдно для послѣдующихъ. Два мѣсяца дѣятельности Думы были могучимъ толчкомъ для ускоренія наступленія времени обновленія Россіи. Дума въ идейномъ отношеніи сдѣлала колоссально большое дѣло. Второй созывъ народныхъ представителей не замедлитъ это обнаружить.

Долженъ ли роспускъ первой Думы повлечь разрывъ съ прошлыми идеалами и прежними недавними надеждами на мирную эволюцію? По совѣсти говорю: нѣтъ! Идеѣ единенія царя съ народомъ, какъ основѣ государственнаго строя, судьба сулила и послала тяжкое испытаніе, но она ее не низвергла. Роспускъ Думы лишь показалъ, что для торжества этой идеи нужна большая по напряженію и болѣе долгая по времени борьба, чѣмъ казалось.

Старый режимъ не можетъ не капитулировать и капитулируетъ непремѣнно. Насиліе только подниметъ его энергію, которая выразится въ тысячахъ жертвъ. Насиліе,—располагая милліономъ организованныхъ штыковъ, онъ раздавитъ. Мирнаго же хода освободительнаго движенія онъ не имѣетъ средствъ остановить.

Путь мирной эволюціи тяжелъ и труденъ. Мысли и слову приходится бороться съ силой. Зато конечная побѣда на этомъ пути всегда остается за правдивымъ словомъ и прочувствованной мыслью. Они шагъ за шагомъ отнимаютъ у силы ея позиціи, бьютъ ее и принуждаютъ къ уступкамъ. Частные успѣхи силы никогда не долговѣчны.

Дай Богъ, чтобы предстоящіе мѣсяцы прошли безъ крайнихъ эксцессовъ съ обѣихъ сторонъ! Дай Богъ, чтобы народъ нашелъ въ себѣ силы для спокойнаго терпѣнія и ожиданія! Тѣмъ вѣрнѣе онъ обезпечитъ успѣхъ, когда мощнымъ голосомъ скажетъ во второй разъ своимъ новымъ избранникамъ: „земли и воли!“.

Рѣчь В. Д. Кузьмина-Караваева, сказанная въ засѣданіи Государственной Думы 4 іюля 1906 г.

Изъ оффиціальнаго стенографическаго отчета, стр. 1959—1961.

Еще до начала преній по существу, при обсужденіи вопроса о томъ, отложить пренія или нѣтъ, членами Государственной Думы Петражицкимъ и Стаховичемъ указывалось на исключительную и громадную важность того шага, на который предполагаетъ вступить Государственная Дума. Шагъ этотъ, несомнѣнно, исключительно важный, но представляется ли онъ крайне рискованнымъ, какъ говорилъ профессоръ Петражицкій, мнѣ кажется сомнительнымъ. Нельзя забывать условія и обстоятельства, въ которыхъ мы живемъ. Мы живемъ не въ мирное время, не при нормальномъ теченіи государственной жизни, а въ такія минуты приходится нерѣдко дѣлать и рискованные шаги,— рискованные потому, что съ математической точностью исчислить и опредѣлить послѣдствія тѣхъ или иныхъ совершающихся соціальныхъ явленій совершенно невозможно. Шагъ, который имѣетъ въ виду сдѣлать Государственная Дума, исключительно важный. Онъ, не буду оспаривать, быть можетъ, не находитъ полнаго оправданія въ теоретическомъ конституціонализмѣ, но не въ этомъ дѣло. Опять таки, вѣдь мы живемъ въ такую исключительную минуту, когда необходимость заставляетъ отступать, быть можетъ, другой разъ отъ теоріи.

Этотъ шагъ, по моему мнѣнію, безусловно необходимъ, и Государственная Дума сдѣлать его обязана. Государственная Дума обязана обратиться къ населенію. Исходнымъ положеніемъ этой обязанности, по моему глубокому убѣжденію, служитъ отвѣтственность, лежащая на Государственной Думѣ. Что бы ни говорили, какъ бы ни старались перенести эту отвѣтственность на министерство или на революціонныя организаціи, но въ дѣйствительности отвѣтственность за совершающееся теперь въ Россіи лежитъ на Государственной Думѣ и на каждомъ изъ насъ въ отдѣльности. Этимъ сознаніемъ отвѣтственности должна быть проникнута вся дѣятельность Государственной Думы, и это сознаніе отвѣтственности никогда не должно насъ покидать ни на одну минуту. Да, мы отвѣтственны за совершающееся! Если мы не имѣемъ реальной возможности измѣнить совершающееся, такъ вспомните, господа, какое мы брали на себя обязательство передъ населеніемъ, которое насъ посылало въ Государственную Думу. Государственная Дума въ глазахъ всего населенія въ теченіе долгаго вре-

мени, долгихъ мѣсяцевъ, была той свѣтлой точкой вдали, по мѣрѣ приближенія къ которой все усиливались вѣра и надежда,—усиливалась вѣра въ то, что эта свѣтлая точка разрастется и освѣтитъ свѣтомъ всю нашу родину. Такъ смотрѣло населеніе. При выборахъ тѣ люди, которые не были убѣждены, что Государственной Думѣ удастся справиться съ кризисомъ, отказывались идти на выборы, они бойкотировали Думу и бойкотировали выборы. Мы этого не дѣлали. Тотъ фактъ, что мы находимся здѣсь, служитъ свидѣтельствомъ, что мы сознательно шли въ Государственную Думу. Мы возлагали на Думу надежду и принесли съ собою вѣру въ возможность мирнаго улаженія кризиса, въ возможность для Государственной Думы внести въ нашу страну миръ, спокойствіе и обновить государственную жизнь. Мы брали на себя обязательство и на насъ лежитъ отвѣтственность за совершающееся.

Эта отвѣтственность, съ другой стороны, коренится въ той исключительной авторитетности въ глазахъ населенія, которою пользуется Государственная Дума. Вспомните,—народъ, выбирая насъ, дѣйствовалъ, я скажу, въ молитвенномъ настроеніи. Народъ относился къ выборамъ, какъ къ исполненію святого долга, онъ вѣрилъ въ Думу, и авторитетъ Думы, еще прежде, чѣмъ она собралась, былъ въ глазахъ народа чрезвычайно силенъ. И авторитетъ Думы остается таковымъ до настоящаго времени. Если еще сейчасъ все кое-какъ держится на мѣстахъ, если еще гроза не разразилась, если мы еще стоимъ только передъ грозой, то удерживаетъ населеніе не что иное, какъ авторитетъ Государственной Думы. 130-ти-милліонное населеніе не можетъ жить безъ авторитета,—не авторитета ружей, штыковъ и пулеметовъ,—оно не можетъ жить безъ нравственнаго авторитета. Вспомните впечатлѣнія, которыя каждый изъ насъ вынесъ изъ времени выборовъ; вспомните выборы въ первой стадіи,—я говорю о выборахъ не городскихъ, а о деревенскихъ, внѣгородскихъ. Вспомните выборы во второй стадіи. Скажите, кто не вынесъ впечатлѣнія, что населеніе анархизировано? Оно анархизировано до послѣдней степени. Нѣтъ уваженія къ власти—къ власти, какъ къ таковой. Отрицательное отношеніе къ даннымъ представителямъ власти—на мѣстахъ создало идейное отрицаніе власти вообще.

Это явленіе глубоко важно и чрезвычайно знаменательно. Я не буду подробно останавливаться на томъ, гдѣ корень этого явленія. Для меня важно отмѣтить его, какъ фактъ. Даже министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстой, этотъ, въ сущности говоря, единственный въ нашемъ прошломъ теоретически сильный реакціонеръ, и онъ вѣдь, когда вводилъ земскихъ начальниковъ, вовсе не желалъ насаждать въ населеніи страхъ передъ властью для страха. Онъ разсуждалъ такъ

я долженъ вызвать въ населеніи страхъ передъ властью для того, чтобы потомъ этотъ страхъ естественнымъ образомъ перешелъ въ уваженіе, и чтобы на почвѣ уваженія выросъ нравственный авторитетъ власти. Его предположеніе оказалось ошибочнымъ: страхъ не можетъ создать уваженія, онъ его не создалъ. Авторитета нѣтъ, и это, господа, явленіе, повторяю, исключительно важное. Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на Россію, на все населеніе, на все совершающееся—въ основаніи лежитъ, несомнѣнно, отрицаніе авторитета. Съ этимъ надо считаться, и этого никогда нельзя забывать. Авторитета нѣтъ, и только если есть еще кое-какое довѣріе,—то исключительно къ Государственной Думѣ. Положеніе столь важное и столь исключительное, что въ жертву ему весьма много и много можно и должно приносить—и соображенія теоретическаго характера и даже возможность риска.

Говорятъ, что аграрныя волненія, нынѣ охватившія многія губерніи, есть результатъ дѣйствій революціонеровъ, результатъ агитаціи. Какой это, въ сущности, близорукій взглядъ на положеніе дѣла! Вѣдь вездѣ въ мірѣ существуютъ теоретическіе и практическіе анархисты. Они имѣются въ Германіи, Франціи, Швейцаріи, — гдѣ угодно, но, однако, революція тамъ не совершается въ настоящее время. Съ другой стороны, исторія намъ показываетъ, что никогда и нигдѣ революція искусственно не была вызвана. Да и можетъ ли она быть искусственно вызвана? Революцію совершаютъ прежде идеи, а лишь потомъ дѣйствія.

И вотъ, въ идейно-анархизированное населеніе, въ населеніе, въ которомъ нѣтъ авторитета власти и въ которомъ теплится вѣра только въ Государственную Думу, въ населеніе, которое своей мыслью опирается исключительно на Государственную Думу — въ это населеніе искусная рука вноситъ стремленіе дискредировать Думу, поколебать ея авторитетъ. На другой или на третій день послѣ того, какъ мы собрались, меньше чѣмъ черезъ недѣлю, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ стали появляться телеграммы; въ нихъ не важно, то, что нарушалось достоинство Государственной Думы; это имѣетъ второстепенное значеніе. Важно то, что совокупность этихъ телеграммъ явно колебала авторитетъ Государственной Думы. Далѣе, поколебать авторитетъ Государственной Думы стремилась декларація министерства, сообщенная съ этой каѳедры 13 мая. Высшее учрежденіе въ Имперіи, высшее законодательное учрежденіе, образованное изъ представителей народа, единственное пользующееся авторитетомъ, выслушало, что разрѣшеніе земельнаго вопроса такъ, какъ оно находитъ нужнымъ, „безусловно недопустимо“. Народные представители выслушали со-

вѣтъ: „помогайте органамъ исполнительной власти въ ихъ отвѣтственномъ дѣлѣ— внести въ страну успокоеніе".

Теперь колеблетъ авторитетъ Государственной Думы правительственное сообщеніе отъ 20 іюня. Что же дѣлать? Дѣйствительно, Государственная Дума работаетъ медленно, въ этомъ нельзя не признаться. Въ теченіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ реальныхъ результатовъ ея работы почти нѣтъ. Причинъ много; не буду на нихъ останавливаться. Мы знаемъ, что всякій конституціонный механизмъ есть механизмъ чрезвычайно сложный и приводить его въ быстрое движеніе не представляется возможнымъ. Такъ и Государственная Дума. Но населеніе иначе смотритъ; оно считаетъ или что намъ не даютъ дѣлать, или что мы не можемъ дѣлать. Всѣ наши усилія должны быть направлены въ настоящую минуту къ поднятію авторитета Государственной Думы и не только наши усилія, но я полагаю, что и усилія органовъ исполнительной власти, ибо единственное учрежденіе, которое въ населеніи пользуется авторитетомъ, это есть Государственная Дума. Если вырвать у населенія этотъ авторитетъ, то тогда все неизбѣжно должно рухнуть и долженъ произойти крахъ. Крахъ, изъ котораго что̀ выйдетъ, какъ выйдетъ—догадаться чрезвычайно трудно. Нельзя забывать, что мы и здѣсь, въ Думѣ, отражая собою населеніе, чрезвычайно единодушны во всемъ, что касается отрицанія; но есть ли въ насъ единодушіе въ положительныхъ идеалахъ? Разъ мы станемъ на почву положительныхъ идеаловъ, то наше единодушіе неизбѣжно само собой упадетъ.

Есть ли практическая надобность въ подобнаго рода обращеніи къ населенію? 27 іюня я получилъ телеграмму отъ одного изъ администраторовъ, стоявшаго во главѣ управленія одной изъ губерній, нынѣ охваченныхъ аграрнымъ движеніемъ. Въ этой телеграммѣ авторъ ея умоляетъ Государственную Думу издать воззваніе къ населенію, ибо, пишетъ онъ, необходимо во что бы то ни стало поддержать вѣру въ населеніи въ плодотворность работы Государственной Думы. Я получилъ свѣдѣнія, что авторъ телеграммы лишенъ душевнаго равновѣсія и потому полнаго текста ея не привожу. Но это для меня не имѣетъ значенія, потому что телеграмма служитъ только иллюстраціей положенія, которое, по моему глубокому убѣжденію, является неизбѣжнымъ, логическимъ послѣдствіемъ всего совершающагося. Аграрныя волненія сами по себѣ явленіе весьма сложное, результатъ цѣлой массы факторовъ, но что тутъ, въ ряду другихъ факторовъ, занимаетъ не послѣднее мѣсто и правительственное сообщеніе отъ 20 іюня, мнѣ кажется, должно стоять внѣ сомнѣнія. Когда населеніе не вѣритъ правительству, то оно не вѣритъ и правительственнымъ сообщеніямъ, и такія сообщенія производятъ не прямое, а обратное

дѣйствіе. Говорятъ: вотъ такъ-то и такъ-то будетъ разрѣшенъ крестьянскій вопросъ, будетъ устранена земельная нужда. Неужели вы думаете, что при данномъ настроеніи населенія появится впечатлѣніе, что именно такъ и будетъ устранена крестьянская земельная нужда? Гораздо больше основаній думать, что впечатлѣніе получится обратное, что здѣсь какая-то неправда, что здѣсь что-то скрываютъ, что здѣсь чего-то не додадутъ или не додѣлаютъ. И вотъ при такомъ настроеніи этотъ документъ не можетъ не произвести возбуждающаго дѣйствія! Успокоеніе должна внести Государственная Дума своимъ авторитетнымъ словомъ. Не забывайте, господа, что только одна Дума въ настоящее время въ глазахъ населенія пользуется авторитетомъ, и не забывайте никогда, что на насъ лежитъ отвѣтственность за все совершающееся и что эту отвѣтственность мы ни на кого переложить не можемъ, — она остается всегда на совѣсти каждаго изъ насъ. *(Продолжительные аплодисменты).*